

Людмила Брагина

Родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

11 ОКТЯБРЯ

*«Конечно, по ней не скажешь, что она ждет рыцаря.
Да она и не ждала пассивно — искала.
Искала, но все-таки рыцаря, а не хрена с горы».*

Начало рассказа Романа Сенчина «Гоу датч» отбрасывает нас прямиком в затёртую в веках эпоху классического средневековья. Давно что-то современные читатели, и даже читательницы, про рыцарей не вспоминали, пожалуй, с шестого класса, наверное. Не мешало бы освежить, в чем различие «всё-таки рыцаря» от того другого.

Впрочем, до современной формы слова реальные исторические рыцари за несколько столетий претерпели громадную эволюцию, и сравнивать их, как теплое с мягким, нецелесообразно.

Если уж европейские монархи мылись только при рождении и в день свадьбы, то что говорить про военных людей, которые большую часть жизни проводили в походах, находясь в доспехах круглые сутки. Ни в барбершоп, ни к стоматологу не вырвешься, разве иногда в «славный дом», но об этом позже.

Итак, рыцарь: почти беззубый, с лицом, изрытым оспой, как шрапнелью, заросший и бородатый, плюсом блохастый и вшивый, со средним ростом 160 см, смог всё же заинтересовать современную молодую женщину. Чем? Явно не красотой. Готовностью помогать по домашнему хозяйству? Это вряд ли. Остаётся что – знатностью и благородством.

Культ прекрасной дамы восходящий к поклонению Богородице, позже стал чем-то вроде модной мужской игры, имевшей свои правила. Основным законом рыцаря, составленный, между прочим, поэтом Овидием – Кодекс чести предписывал ему выбрать Даму сердца и служить ей. Как правило, знатной, замужней, желательнее за рыцарем выше рангом, а ещё лучше быть женой сеньора. Изредка некоторые рыцари-беспредельщики могли отбить у сюзерена особо понравившуюся даму, но переход её из объекта поклонения в субъект вождения был не сильно выгоден, так, шило на мыло. Поэтому традиционно рыцари тешили плоть в «славных домах» с блудницами.

«Небесной» и недоступной Даме рыцарь посвящал свои подвиги и победы на турнирах и битвах. А она, в свою очередь, могла на него бросить ласковый взгляд, а то и платок, за особо опасные раздракоченные мельницы.

Однако, сам он тоже мог быть женат. И отнюдь не на своём идеале красоты и непорочности. К жене и остальным особям женского пола рыцари относились как к несовершенным и ничтожным созданиям, земным воплощениям дьявола: «Женщина есть смущение мужчины, ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей. Нужно избегать женщину, во-первых, потому, что она запутывает мужчину, во-вторых, потому, что она оскверняет его, в-третьих, потому, что она лишает его имущества».

Всё. Это минимум, который нам нужно было вспомнить и продолжить чтение.

Так насколько права средневековая мораль и как же выглядит современная главная героиня, находящаяся в обидном статусе «сено к лошади не ходит»?

«Пока еще стройная хотя и крупноватая, совсем уже не девочка в свои почти тридцать два, впрочем, и не тетка.»

«Поиски (рыцаря) не проходили бесследно — родилось двое детей, в паспорте стояло шесть штампов: три о заключении брака и три о расторжении, причем два последних не поместились на положенных страницах, где «Семейное положение», и их поставили на странице, предназначенной для записей о детях...»

Ну что же вы на меня смотрите, товарищ рыцарь, как солдат на вошь? Обабдели от счастья? Да и как не быть сумрачным и бледным бедному рыцарю! Почти тридцать два, это не почти тринадцать, а кому приятно обнаружить на брачном ложе вместо Джульетты её мать?

Но поскольку нынешние люди живут дольше, сделаем поправку на повышение пенсионного возраста, которое автор рассказа провидчески предсказал ещё в 2015 году.

Сюжет простой, как анекдот. Встретились поужинать два разнополых москвича. Предположительно 11 октября.

«Деловая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке», держащая в голове и примеряющая на всех мужчин образ рыцаря, и «высокий, мускулистый, с мужественным лицом и манерами аристократа Илья». Он хоть несколько лет и прожил за границей, и высокую должность в крупной компании занимает, но ни сном, ни нюхом про это её намерение и сам процесс не подозревает.

А дальше, как в пословице «пили, ели, веселились, посчитали прослезились».

Сакраментальная кульминация: Минуточку! За чей счёт этот банкет? Кто оплачивать будет?

Оба обеспечены даже по московским меркам. Простодушный читатель из провинции, удалённой от *«относительного центра столицы»* на тысячи и тысячи километров, присвистнет и затылок почешет: что не так-то? Кто заказывал, тот и платит. Любого официанта спросите.

Или всё же наоборот? Кто девушку ужинает, тот её и танцует?

«В первом же переулке Ипполит Матвеевич навалился на Лизу плечом и стал хватать её руками. Лиза молча отдиралась.

– Слушайте! – говорила она. – Слушайте! Слушайте!

– Поедем в номера! – убеждал Воробьянинов».

После сосисок и огурцов горячий предводитель дворянства возжелал утех любви, и ему, на минуточку, 52 года и он революцию пережил. А тридцатисемилетний понторез Илья, начав раскрутку с ростбифа с кровью и зрелых сыров, стал заболачивать Анне мозги *«специфичностью русского бизнеса»* и мутить душу Достоевщиной...

Вечер, так и не став томным, заканчивается обменом взглядами и обоюдным пониманием, *«что партнер не против продолжить общение дальше, не здесь...»*

Хай гайс! Хеппи-энд.

Но всё испортил проклятый денежный вопрос.

Анне вдруг, так по-женски, захотелось *«чтоб и любил, и заботился, и был, как скала»*.

Но ведь надо было слушать внимательно! Общие знакомые, да и сам господин автор предупреждали – *«истинный англосакс»*. Ей тогда почему-то казалось, что они *«отзывались о нем очень хорошо»*. Хотя ещё Марк Твен называл англосаксов позором человечества, а действующие российские официальные лица предпочитают использовать слово «англосаксы» для обозначения главных врагов «русского мира».

Да и не о любви вся эта история. Больше о дегустации, но не редких напитков, хотя об этом тоже есть. В ресторане, пригубив немного матово-бордовой жидкости, Анна, как опытный сомелье, сразу определила: *«Вино было терпкое, но сразу чувствовалось, что эта терпкость порождена природой и умелым хранением, а не добавками-стимуляторами»*.

А это значит, что пригласил её Илья не в какой-то зашварный кабаk, а в правильный ресторан. Под сумочку подходит. И вино тут правильное: диоксид серы, ешки всякие разрешённые были, а всей этой амфетаминово-оксибутиратовой мерзости нет, хотя в это время вечера и для такого случая...

Но всё же главное «блюдо» по жизни героини другое: *«Перепробованные мужчины в памяти Анны представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу. Там в единый ком слиплись два сорта представителей противоположного пола: слизи и животные»*.

Тут прямо хоть пиши Томасу Харрису и спрашивай: были ли у Ганнибала Лектора дети женского пола? Наверняка же передаётся генетически эта гастрономическая «особенность».

В начале 90-х, некоторые издательства ставили перед авторами план: по три трупа на страницу. И бывшие филологи, журналисты, а то и вовсе беспартийные, резали, жгли, вешали, что твоя святая инквизиция, кровийца с книжных прилавков рекой текла. Но времена меняются, нравы смягча-

ются, «рука бойцов колоть устала и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», подросли новые читатели.

Думается, что смысл, цель и великую миссию этого небольшого рассказа сформулировал Станислав Ежи Лец «Просвещайте своих детей сексуально, чтобы их потом не изгнали из рая». Но вызывает искреннее недоумение почему Роман Сенчин не пишет о том, что ему знакомо, прочувствовано и близко по природе. Женская логика, душа и сексуальность непостижимы в принципе, особенно, когда за это берётся мужчина невнимательный, нечуткий и руководствующийся абстрактными умозаключениями.

«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, «отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят». Но долго рядом с собой слизней Анна не выносила; после секса или выпроваживала из квартиры, или, если была у них, уезжала сама...»

И на том спасибо, что не съедала. Предпочтения понятны — приятно, но не долго.

А вот здесь уже начинаются сексуальные девиации.

«Животные были предпочтительней. Точнее, секс с ними нередко доставлял ей настоящее удовольствие. Когда мощный парень брал ее стальными руками и делал с ней то, что считал нужным. Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия — эти не ждали ее, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лежа на спине, громко дышали и фыркали».

Понимание сцены из-за скупой недосказанности текста на совести читателя. Но поневоле крадывается ужасное подозрение, уж не в буквальном ли значении закладывает автор в уста героини слово животные? Фыркают кони, во время приятных событий в их жизни, олени в случае опасности, лоси от страха, ежи вообще не только фыркают, но ещё и чихают, хрюкают, ворчат, храпят и клацают зубами.

Может «крупноватая» героиня в порыве страсти навалилась на бедное животное всем своим центнером красоты, а потом, удовлетворившись, откинула, и оно лежит на спине и громко дышит, как в последний раз?

Только готовность защищать свою хрупкую жизнь до последнего может вызвать такую реакцию: *«И только попробуй в эти минуты прильнуть, намекнуть, что ты еще не закончила, — он посмотрит на тебя презрительно-недоуменно и произнесет убивающее: «Что?». После этого оставалось или истерику устроить (но рискуешь при этом схлопотать по лицу), или смириться и ждать, когда он снова захочет тебя, быть к этому готовой, разогретой, чтобы успеть добраться до пика раньше него или вместе с ним...»*

Строчка из стишка-пирожка вспомнилась: Оксана терпеливо ждёт...

Это ж как широко сеть закидывать в поисках рыцаря нужно и на какие жертвы идти ради своих иллюзий? Может стоило бы автору хоть немного придать человеческий облик этой невдалой героине, чтоб её хотя бы по лицу не били?

А то ведь, если сказать по совести, есть за что. Представителей противоположного пола она делит на «сорта», «слизней и животных», своего – на «особей», «страшненьких Сонечек» и «истеричек Настасий». Налицо психологическая, гендерная и сексуальная стигматизация во всей красе. И чем ниже уровень развития и образованности героини, тем сильнее склонность к навешиванию ярлыков.

О крахе светлых надежд Анны на простое женское счастье стало понятно гораздо раньше и кульминации, и развязки. Всё пошло наперекосяк с того момента как «Илья поднялся ей навстречу. Вышел из-за стола. Руку не поцеловал, но так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение. Такие прикосновения ее особенно волновали...»

Хочется крикнуть: «Остановись, Илья! Ты ступаешь на скользкую дорожку, по которой ползают слизни! Возьми её стальными руками, зря, что ли ты пиджак снимал и истязал себя в фитнес-залах и на домашних тренажёрах?»

Автора подводит не только логика, но и пунктиром намекающийся склероз. Несколькими абзацами выше чётко же было описано какой секс доставляет ей настоящее удовольствие и к чему тогда эта ваниль?

Почему было высказано предположение о возможной дате встречи? Да потому что 11 октября во всем мире отмечался День каминг-аута.

В финале подробно рисуется образ перепуганного, униженного и раздавленного Ильи, хотя с чего бы из-за малознакомой женщины так потерять лицо и напрочь не владеть своими эмоциями, но этого захотел автор. Почему же Илья так мельтешит?

«Я считал, у нас гоу датч...»

Нет, дорогой соискатель, у вас «coming out of the closet».

Во-первых, потому что слизень. Во-вторых, не мужчина. В-третьих, не рыцарь....

Несколько выбиваются из списка правильных аксессуаров деловой женщины три предыдущих мужа и дача в Малаховке. Мужья из раза в раз попадались неправильные. То ли они мешали ей искать рыцаря, то ли после свадьбы были разжалованы из рыцарей, непонятно. И кто должен понимать эти намёки, почему штампы о расторжении браков злокозненные работники загса ставили на странице, где должны быть дети?

Дачный посёлок Малаховка по содержанию и общему настроению напоминает писательское Переделкино. Видимо у автора рассказа проскользнула ностальгическая московская нотка, отсюда же и пошлая сцена, где герои пережёвывают кровавый ростбиф и рассуждают о Достоевском, «половой истекая истомою», – добавил бы «московский хулиган» Сергей Есенин. Был он однажды в Малаховке, приезжал погостить к другу на улицу Тургенева. Однако, принимая во внимание стоимость земельных участков с немудрёными строениями в посёлке Малаховка – от 15 до 200 миллионов рублей, пусть будет у героини до кучи и правильная дача.

В наше время с учётом новых реалий «с таким счастьем и на свободе» уже не говорят, а завистливо-злобно шипят вслед «насосала», что особенно оскорбительно для деловой женщины. Но почему героиня рассказа постоянно не находит читательского понимания и сочувствия, не говоря уже о восхищении?

Почему герой, о котором сообщается информация, подразумевающая обязательное наличие определённых качеств, как минимум, ума, ведёт себя, как даун?

Ведь, казалось бы, так просто заранее спросить у женщины, которую пригласил в ресторан: «Вы не будете против, если я оплачу наш ужин?», тем самым выразить уважение к ней, как к личности и партнёру.

И дело не в том, что он плавает в русской классической литературе:

«— Извини, что? — Илья совсем по-американски приподнял одну бровь, склонил голову набок, выказывая готовность понять слова Анны.

— А! — широко и облегченно улыбнулся Илья. — Да-да, князь Мышкин... Ты любишь Достоевского?

— Ну, второе маловероятно, — пожал плечами Илья. — Как можно специально стать... гм... Свидригайловым. Это, если мне не изменяет память, мерзавец бесспорный.

— Да-да, — не совсем уверенно кивнул Илья.

— Кажется, да. Но может быть, это в природе?»

Это не та краткость, которая сестра, а та, что хуже воровства и уместилась в языковом диапазоне между глухонемым дворником Герасимом и Эллочкой-людоедкой. Эти бессмысленные междометия Роман Сенчин пафосно называет анализом героев «Идиота». Общий анализ крови расскажет больше, чем эта якобы литературно-художественная характеристика. Или это последние веяния преподавательской деятельности профессоров литинститута им. М. Горького? Боже, пропал дом.

Все неудачи героев начались ровно с того момента, как в голове у автора дзынькнула идея создать их из ничего, пренебрегая фундаментальным законом природы - законом сохранения энергии.

Давно ведь сказано: восстань, и виждь, и внемли. Многообразие жизни в постоянном движении, изменение света и красок, непрерывное борение в душе человека — вот что должно становится идеей и материалом писателя.

А этот текст – каркас, подстрочник, задел на старость, когда можно сесть и основательно нарастить на него реальные нервы и мышцы, если другой, более значимой темы не найдётся.